

Рецензируемая книга издана в серии описаний восточных языков, издаваемых Школой восточных и африканских исследований при Лондонском университете. В этой серии уже вышли или готовятся к печати 11 описаний наиболее известных и уже достаточно изученных языков Азии и Африки. Автор книги – представитель молодого поколения японистов, американец японского происхождения, получивший образование в Университете Гавайев и Калифорнийском университете. Книга издана под редакцией известного японского лингвиста Масаёси Сибатани.

Основная цель книги – познакомить с японским языком читателя-лингвиста, для которого родным языком является английский. Последний язык постоянно выступает в книге в качестве эталона. Например, в разделе о прилагательных (в японском языке это – класс слов, близких к глаголу) специально говорится о том, что японские прилагательные не изменяются по степеням сравнения, и описывается, как образуются японские сравнительные конструкции (с. 37). В то же время здесь отсутствует указание (встречающееся иногда в русских описаниях японского языка) на то, что японские прилагательные не склоняются. Но при этом автор старается избежать подгонки фактов японского языка под принятые в англоязычных странах схемы; в предисловии он пишет, что старался описывать японский язык таким, какой он есть, не делая его похожим на что-то другое (с. xiv).

Книга может быть интересна любому читателю, владеющему английским языком, особенно неспециалисту в области японистики.

В отдельных случаях автор опирается на собственные исследования, но большей частью он стремится изложить результаты исследований многих лингвистов и пересказать наиболее общепринятые точки зрения. В библиографии упомянуты многие публикации на японском и английском языках с первой половины XX в. до наших дней. Из работ лингвистов за пределами Японии и англоязычных стран отмечена лишь статья Е.Д. Поливанова 1924 г. "К работе о музыкальной акцентуации в японском языке (в связи с малайскими)", имеющаяся в английском переводе.

По структуре книга достаточно традиционна и напоминает, например, структуру очерков известной серии "Языки народов Азии и Африки". В начале книги кратко излагаются данные о распространении японского языка, его генетических связях, истории и диалектологии, о письменности, фонологии (включая акцентологию) и лексике, затем значительно более подробно описываются система частей речи, морфология (включая словообразование) и синтаксис; все завершается образцами текстов с пословным переводом. Менее стандартными, однако, выглядят две последние (не считая образцов текстов) главы, озаглавленные "Дискурс и грамматика", "Прагматика и грамматика". Впрочем, в них в основном речь идет также о хорошо известных пробле-

мах: в главе о дискурсе описывается то, что обычно именуется синтаксисом сложного предложения, а в главе о прагматике – ряд грамматических категорий, в том числе так называемые категории вежливости.

Как часто бывает в подобного рода изданиях, книга сконцентрирована на проблемах грамматики, а вопросы социолингвистики, генетических связей, фонетики, фонологии и акцентологии, лексической семантики описываются лишь настолько, насколько это необходимо. Автор явно не является здесь специалистом и излагает факты упрощенно, а иногда и не вполне точно. Так, японские термины *kyoosui-go* "общий язык" и *hyoosin-go* "стандартный язык" даны на с. 1 как синонимы. Но в японской социолингвистике эти термины различаются: "стандартный язык" подчиняется строгим правилам, это – скорее идеал, чем реальное состояние, а "общий язык" допускается в определенных пределах вариативности, в том числе региональную; см. об этом [Неверов 1982: 13–16]. Очень слаб занимающий полстраницы (с. 2) фрагмент о генетических связях: самая поздняя из упомянутых работ датирована 1971 годом, а генетические связи между языками не отделяются от типологических сходств. Приведенная система фонем и их реализаций (с. 17–20) сильно зависима от стандартной латинской транскрипции, в ряде случаев неточной, особенно в связи с палатализациями согласных. Вопросы лексической семантики рассмотрены лишь в ограниченных случаях: либо там, где они традиционно включаются в грамматику (местоимения, числительные), либо там, где она соприкасается с грамматической семантикой (например, различия в значении между грамматическим и лексическим каузативом или реципроком).

Основные интересы автора находятся в области грамматики, и именно здесь книга может служить путеводителем по японским и (в меньшей степени) американским исследованиям японского языка XX в. Раздел "Классы слов" (с. 32–55) излагает общепринятую в Японии систему частей речи (последний термин в соответствии с принятой в США традицией избегается автором). Описаны основные классы: имена (включая местоимения), глаголы, прилагательные, именные прилагательные – и второстепенные (*minor*) классы: наречия, союзы, приименные, вспомогательные глаголы, связки, междометия и аффиксы. Особо рассмотрены некоторые подклассы слов со специфическими свойствами: звукоподражания и образоподражания, числительные. Система описана точно в соответствии с японскими стандартами, но используемые автором буквальные английские эквиваленты

японских терминов иногда запутывают непосвященного читателя. Так, союзы (*conjunctives*) названы явно знаменательные слова, которые, в европейской терминологии, могли бы быть названы союзными наречиями. Вспомогательные глаголы (*auxiliaries*) – это, с европейской точки зрения, глагольные и адъективные словоизменительные аффиксы, тогда как *affixes* – это лишь аффиксы словообразования (впрочем, само их включение в "классы слов" странно для читателя-неяпониста). К тому же ниже (с. 111) вводятся не упомянутые в данной главе подлинные вспомогательные глаголы японского языка, получающие такое же наименование – "*auxiliaries*". Такая неэквивалентность во многом объясняется тем, что ряд японских терминов – кальки с английского, которые затем были переосмыслены; см. [Алпатов 1990]. С. Ивасаки делает буквальный обратный перевод, не учитывая это переосмысление. При этом в следующей главе "вспомогательные глаголы" трактуются вполне по-европейски, включаясь в глагольную и адъективную парадигму.

В главе "Морфология" (с. 57–81) рассматривается словоизменение и словообразование в японском языке. Как принято в японской традиции, словоизменение признается лишь для глаголов и прилагательных (последние имеют парадигму, близкую к глагольной, но более простую). Словообразование охватывает все главные классы слов японского языка. Подробно описываются типы словообразования: деривация, словосложение, редупликация, аббревиация.

Глава "Аргументные структуры" (с. 83–104) описывает минимальный состав простого предложения: предикат и его актанты; в связи с этим рассматриваются падежная система (падежные показатели трактуются как частицы) и типы падежного управления. Выявляются соответствия (далеко не всегда однозначные) между оформлением актантов и семантическими ролями.

Среди глагольных категорий наиболее детально рассматриваются тесно связанные между собой время и вид. Им посвящена специальная глава (с. 105–124). С. Ивасаки исходит из определения грамматического времени, данного Б. Комри: кодирование отношения между временем ситуации и каким-то другим временем, обычно временем речи. Указывается, что японская временная система, несмотря на существование всего двух форм, сложна по семантике и лишь приблизительно может быть описана через противопоставление прошлого, настоящего и будущего (с. 105). Выбор той или иной формы зависит и от значения всего предложения (общие или

специфические суждения), и от значения предиката (активный или стативный), и от природы предложения (независимое или придаточное). В частности, в независимом предложении временное значение соотносено со временем речи, а в придаточном — со временем события, обозначенного в главном предложении. Думается, что ситуация здесь может быть еще сложнее: относительное (таксисное) временное значение бывает и в независимом предложении (время соотносится со временем следующего предложения); см. об этом [Сыромятников 1971: 244–278]. Вид также определяется по Б. Комри: способ рассмотрения внутренней целостности ситуации (с. 111). Выделяются перфект (образуемый тем же показателем *-ta*, что прошедшее время), прогрессив и результатив (вспомогательные глаголы *iru*, *aru*), завершённый вид (вспомогательный глагол *shimau*), начинательный вид (вспомогательные глаголы *nagi*, *kiagi*, *iki*). Трактовка форм с *shimau* как форм завершённого вида, встречающаяся в литературе, безусловно, неточна. Сам С. Ивасаки по сути опровергает ее, приходя к более точному указанию на то, что в данном случае некоторое событие достигает точки, откуда нельзя вернуться назад (с. 118); ср. нашу трактовку данных форм как обозначающих существование и необратимое изменение ситуации [Алпатов 1998].

Глава "Грамматические конструкции" (с. 125–173) посвящена различным конструкциям, изменяющим синтаксическую структуру предложения, с точки зрения их морфологической и синтаксической формы и с точки зрения их семантики. Описываются пассивные, потенциальные, каузативные, бенефактивные (малефактивные), реципрокальные конструкции, а также конструкции самопроизвольного возникновения действия и конструкции с числительными. При этом учитываются как исследования японо-американских генеративистов последних десятилетий (там соответствующая тематика исследовалась очень активно), так и классические японские работы первой половины XX века. Так, семантическое разграничение формально одинаковых потенциальных конструкций и конструкций самопроизвольного возникновения действия (соответствуют русскому *мне кажется*, *мне думается* и пр.) было предложено классиком японского языкознания С. Хасимото в 1931 г.

В двух следующих главах специально рассматриваются структура именной фразы (то есть способы выражения определительных отношений) (с. 175–194) и способы вставления (*embedding*), то есть включения предложения (*clause*) в состав целого предложения (*sentence*): прямая и косвенная речь, образование

относительных предложений и др. (с. 195–216). В последней главе особое место занимает описание номинализации (субстантивации), при которой предложение вставляется в качестве именного члена в большее предложение. В японском языке в этих целях используются особые грамматические элементы (именуемые в отечественной японистике субстантиваторами, а в англоязычных работах, включая данную книгу? — *complementizers*). Семантические различия между субстантиваторами — весьма сложная проблема, весьма по-разному рассматриваемая разными исследователями. В данной книге предлагается одно из самых подробных и четких описаний этих различий (с. 200–215), хотя, вероятно, оно имеет силу не для ста процентов случаев.

Глава "Информационная структура и форма предложения" (с. 215–246) посвящена, пожалуй, наиболее широко известному за пределами Японии грамматическому явлению японского языка — правилам употребления частицы *wa*, очень часто вытесняющей показателя подлежащего и прямого дополнения. Чаще всего эту частицу трактуют либо как показатель темы, либо как показатель топика; обе трактовки объясняют многие, но далеко не все случаи употребления частицы. С. Ивасаки, во многом ориентирующийся на идеи С. Курода, сохраняет обозначение *wa* как показателя топика, но понимает топик шире, чем это делается во многих работах. Он разграничивает предложения с топиком (в которых есть *wa*) и предложения без топика (без *wa*) как прототипические предложения соответственно с модальной оценкой говорящего и без нее (с. 218). Рассмотрены условия, способствующие топикализации или затрудняющие ее. Здесь же говорится и о других явлениях, связанных с информационной структурой предложения: пресуппозиции, фокусе.

В главе, названной "Дискурс и грамматика" (с. 247–274), рассматриваются две проблемы, традиционно не связываемые друг с другом. Это проблема сложных (сочинительных и подчинительных) предложений и проблема анафоры и средств ее выражения: личных и возвратных местоимений, демонстративов. Последняя глава "Прагматика и грамматика" (с. 275–304) рассматривает различные грамматические категории и грамматические конструкции, которые не нашли места в предшествующем изложении. Они связаны по семантике либо с выражением модальности говорящего, либо с выражением его отношения к слушающему. Это и разные степени категоричности, и эвиденциальность различных типов, и желательность, и долженствование, и императив, и направленность действия к гово-

рящему или от говорящего, и, наконец, разные виды так называемых форм вежливости. Последние описываются в книге, во-первых, как различия уровней речи (*speech levels*) – неформального, нейтрального и формального, во-вторых, как показатели почтения (*honorigics*) к собеседнику или к референту. Здесь автор пытается синтезировать японский и американский подходы к данному явлению (в Японии оно рассматривается как грамматическое и лексическое, в США – как стилистическое), как нам представляется, не совсем удачно: уровни речи и показатели почтения могут рассматриваться в рамках единой системы. Тем не менее, все описываемые в данной главе явления охарактеризованы кратко, но достаточно четко. В конце книги (с. 305–332) даны образцы текстов различных стилей, связанных с разными типами коммуникации (газетная статья, сказка, устный рассказ, два диалога); они снабжены словным переводом и комментариями.

Книга С. Ивасаки содержит спорные положения, не все рассмотренные в ней явления описаны достаточно подробно. Тем не менее,

в целом это полезное введение для знакомства с грамматикой японского языка лингвиста, специально не занимающегося этим языком (в частности, специалиста по общей лингвистике и типологии).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алпатов 1990 – В.М. Алпатов. Знаменательные части речи в японском языке // Части речи. Теория и типология. М., 1990.
- Алпатов 1998 – В.М. Алпатов. Нестандартные видовые категории в современном японском языке // Типология вида. Проблемы, поиски, решения. М., 1998.
- Неверов 1982 – С.В. Неверов. Общественно-языковая практика в современной Японии. М., 1982.
- Сыромятников 1971 – Н.А. Сыромятников. Система времен в новояпонском языке. М., 1971.

В.М. Алпатов